

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Слово эксперта.....	13

ЧАСТЬ I «ПОЛЯРНАЯ СОВА»

Глава 1 Жизнь на краю Земли.....	19
Глава 2 «Битцевский маньяк» Пичушкин.....	37
Глава 3 Бесланский террорист Кулаев.....	43
Глава 4 «Белгородский стрелок» Помазун.....	47
Глава 5 Тюремщик Сандрыкин	51

ЧАСТЬ II «ВОЛОГОДСКИЙ ПЯТАК»

Глава 1 Тюрьма-монастырь на острове Огненный.....	69
Глава 2 Наемный убийца Михайлов.....	89
Глава 3 Михайлов. Продолжение. Свадьба.....	103
Глава 4 Людоед Бычков по кличке Сушеный Рэмбо.....	111

ЧАСТЬ III

«МОРДОВСКАЯ ЗОНА»

Глава 1	
Дорога смерти.....	127
Глава 2	
Тюрьма, где живут советские маньяки.....	133
Глава 3	
Курсант МВД Комаров.....	141
Глава 4	
Две эпохи — два маньяка.....	145
Глава 5	
Никита Тихонов.....	151
Глава 6	
Легенды Питера — захватчик «Крестов» Перепелкин и маньяк-милиционер Шувалов.....	155
Глава 7	
Застравший во времени Сергей Хвастунов.....	169
Глава 8	
Как приводили в исполнение смертные приговоры. Фишер и другие.....	177

ЧАСТЬ IV

«ТОРБЕЕВСКИЙ ЦЕНТРАЛ»

Глава 1	
Самоубийцы.....	189
Глава 2	
Сочинский полицейский Галкин.....	197
Глава 3	
Самый молодой российский маньяк Балакин.....	207
Глава 4	
Людоед из Астрахани.....	215

Глава 5	
Лидер банды Тагирьянов.....	221

Глава 6	
Вова Беспредел из банды Цапка.....	233

ЧАСТЬ V

«БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ»

Глава 1	
Станция конечная — Лебединая.....	251

Глава 2	
Признания серийного убийцы Мартынова.....	265

Глава 3	
Русский Брейвик Дмитрий Виноградов.....	277

Глава 4	
Железогло. Тайна уникального побега.....	285

Глава 5	
Исповедь экс-сенатора Измestьева.....	299

Глава 6	
Убийца Анны Политковской Рустам Махмудов....	313

ЧАСТЬ VI

«ЧЕРНЫЙ ДЕЛЬФИН»

Глава 1	
Не верь, не бойся, не проси.....	323

Глава 2	
Дар Божий убийцы Рыжанкова.....	337

Глава 3	
Маньяк Шипилов.....	341

Глава 3	
Драганер по прозвищу Дракула.....	351

ЧАСТЬ VII

«СНЕЖИНКА»

Глава 1	
Легенда Дальнего Востока.....	361
Глава 2	
Возраст Христа террориста-иконописца Тихомирова.....	371
Глава 3	
Покаяние маньяка Миргорода.....	377
Глава 4	
Братья Иконниковы.....	385
Глава 5	
Итальянская история Бердуто.....	399
Послесловие	411

Ева Меркачёва прошла все семь российских колоний для пожизненников. Прошла смело и честно — как журналист и правозащитник. Бесстрашно проплыла это рукотворное море человеческого страдания от берега до берега и не утонула в нем, а, наоборот, раз за разом сама пыталась спасти тонущих. Тот, кто хоть раз побывал, например, в «Черном дельфине», вовек не забудет угрюмые камеры-«американки», где вдоль решетки, заменяющей стену, из конца в конец движутся люди, точь-в-точь как тигры в зверинце. Или это на самом деле звери — дикие или одичавшие? Ответ узнаешь, только если помотришь им в глаза. Но на такое страшно решиться. Потому что зверь — если это действительно он, а не жертва судебной ошибки или произвола — тоже заглянет тебе в душу. Ева Меркачёва не устрашилась. Не знаю, что в большей степени придало ей храбрости: профессиональная любознательность или присущее настоящему правозащитнику человеколюбие. Но зато знаю результат — это книга, которую вы держите в руках.

Михаил Федотов,
министр печати и информации
Российской Федерации (1992–1993),
председатель Совета по правам человека (2010–2019)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что творится за колючим забором самых строгих тюрем страны? Как живут те, кого общество признало опасными преступниками, не заслуживающими снисхождения? И проявило ли государство гуманизм, заменив им высшую меру — расстрел — на пожизненное лишение свободы?

В России семь колоний для пожизненно осужденных, или ПЖ — в тюремной системе безликие аббревиатуры повсюду. Я стала первым журналистом, объехавшим все. Вот каким был мой путь, в который я позову с собой в этой книге тебя, дорогой читатель: «Полярная сова» (Ямало-Ненецкий автономный округ, поселок Харп) — «Вологодский пятак» (Вологодская область, остров Огненный) — «Мордовская зона» (Республика Мордовия, поселок Сосновка) — «Торбеевский централ» (Республика Мордовия, поселок Торбеево) — «Белый лебедь» (Пермский край) — «Черный дельфин» (Оренбургская область, город Соль-Илецк) — «Снежинка» (Хабаровский край, поселок Эльбан).

Кто-то назовет это адским маршрутом. Я окрестила его дорогой Искупления.

Можете ли вы представить себе северное сияние над тюремными вышками (как в «Полярной сове»)? Или камеры-кельи, со сводов которых видны лики святых (как на острове, где стоял в прошлом монастырь, а ныне тюрьма для пожизненников «Вологодский пятак»)? Или корпуса «смертников», утопающие в розах рядом с целебными озерами (как в «Черном дельфине»?).

Ни одна из семи колоний для ПЖ не похожа на другую. В каждой протекает своя жизнь, в каждой — свои условия. При этом закон един для всех приговоренных к пожизненному сроку. И везде есть одна особенность: не работают воровские понятия и нет деления по мастям. К примеру, вчерашний «смотрящий» за целым регионом сегодня сидит вместе с педофилом за одним столом. И все у них общее — от миски до унитаза.

Даже в этих гиблых местах арестанты не расстаются с надеждой: пишут стихи и мечтают о свободе. И никто из тех, с кем я общалась, не хочет умирать, никто не променял бы даже несколько дней унылой жизни в застенках на смертную казнь.

В книге вы найдете не только мои самые интересные беседы с арестантами (они пишут мне письма до сих пор едва ли не ежедневно), но и откровенные рассказы тюремщиков. А еще будут цифры и анализ — для тех, кто хочет разобраться в теме.

Часть историй, что вы прочитаете, были опубликованы в газете «Московский комсомолец», где я работаю много лет. Что-то я рассказываю, но впервые. Некоторые газетные публикации имели неожиданное продолжение. К примеру, прочитав мое интервью с киллером Орехово-Медведковской группировки, в него влюбилась женщина-следователь — они поженились за решеткой. Эта история вызвала много шума, было снято несколько телепередач, в одной из которых прозвучало: «Не пускайте больше Меркачёву в колонии для пожизненно осужденных, она слишком жалостливо пишет про монстров, которых давно нужно расстрелять». Над этим можно было бы посмеяться, но тема смертной казни актуальна до сих пор. Большинство

россиян выступают за ее возврат, даже понимая вероятность ошибки судов и следствия. Так, одна из глав книги посвящена откровениям убийцы, который рассказывает, как за его преступления сидят другие люди, но это кому-то выгодно. Как минимум трое из тех, кого я интервьюировала, на мой взгляд, могут быть невиновны.

Если сложить время, проведенное в беседах с осужденными, получится не один месяц. Маньяки и педофилы, киллеры и лидеры организованных преступных группировок, убийцы «по воле случая», жертвы страшной ошибки и чьего-то злого умысла. Их рассказы и исповеди — это не просто истории самых громких и значимых уголовных дел (тем более что не все мои собеседники были известны, а их страшные преступления не всегда попадали на страницы газет). Это история всей криминальной России.

В этой книге я подробно расскажу о каждой колонии, познакомлю с тем, что увидела и услышала там сама. Камеры, штрафные изоляторы, прогулочные дворики, медчасть, кухня, кабинет начальника. Не было ни одного помещения, куда бы я ни заглянула. Я старалась все описывать непредвзято. Но объективность в таких вопросах — вещь субъективная (простите за этот оборот речи).

Я также старалась не осуждать никого из тех, кто проводит в этих колониях бесконечно долгие дни и ночи. Может быть, в этих интервью потерпевшие или просто те, кого потрясли их страшные преступления, найдут ответы на мучившие их вопросы. Может быть, кто-то, оказавшись на пороге совершения ужасного и непоправимого, вовремя остановится. Именно для этого я и написала эту книгу. Прошу вас только об одном: читая ее, помните произнесенную — не мной — истину: милосердие выше справедливости. Оно есть сама Высшая Справедливость.

КОЛИЧЕСТВО ПРИГОВОРЕННЫХ
К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
(ДАННЫЕ НА 1 СЕНТЯБРЯ 2019 ГОДА):

*Мордовия (ИК-1 в поселке Сосновка и ИК-6 в поселке
Торбеево) — 166 и 133*

Пермский край (ИК-2, город Соликамск) — 293

Вологодская область (ИК-5, остров Огненный) — 194

Оренбургская область (ИК-6, город Соль-Илецк) — 650

*Ямало-Ненецкий автономный округ
(ИК-18, поселок Харп) — 347*

Хабаровский край (ИК-6, поселок Эльбан) — 202

Всего — 1985

СЛОВО ЭКСПЕРТА

По определению «Толкового словаря» Даля тюрьма — острог, темница, место заключения преступников или подсудимых. Но Тюрьма — это больше, чем слово. Это — участь и иногда судьба. Для кого-то работа, для кого-то — образ жизни. Кто-то выбирает Её, а кого-то забирает Она. Её боятся, мысли о Ней стараются оттолкнуть, отодвинуть в самые далекие закоулки памяти, но иногда Она всплывает внезапно, резко. И тогда — приходит страх. Сначала он липкий, мягкий, он сковывает и вызывает оцепенение, а затем — бьет. Бьет так, что до дрожи. И приходит ужас, да такой, что даже очень сильные люди готовы на всё, готовы дать любые показания как свидетель, лишь бы этим свидетелем и остаться. Но иногда Тюрьма манит и притягивает, как магнит: что там за ее стенами, как живут эти люди, какие они, за что там оказались? Нет-нет да и закрадывается мысль: «А вот посмотреть бы, хоть разочек глянуть одним глазком — что Там?»

Когда в 2012 году мне предложили работать в тюремной системе, скажу прямо: было много сомнений. С одной стороны, народная молва о наших тюрьмах и «наследие 30–40-х годов XX века», а с другой — мой неподдельный интерес ко всему происходящему в тюремном ведомстве. Сейчас, по прошествии семи лет работы, могу сказать одно: это были самые лучшие и интересные годы моей службы. Я счастлив, что мне выпала честь служить в Федеральной службе исполнения наказаний. Я видел глобальные

изменения, которые воплощаются в жизнь усилиями ее директора Геннадия Александровича Корниенко. Тюрма начала меняться. В глазах людей, которые сейчас выходят на свободу, пропал тот животный страх, который был еще пять-шесть лет назад.

Несмотря ни на что, тюремная система переживает время оттепели и гуманизма. Так и должно быть в демократической стране. И позже люди это оценят. В тюрьме — тоже наши люди, граждане нашей страны. Они совершили преступление и за это приговором суда лишены свободы. Это и есть их наказание. Оскорбления и унижения недопустимы. Отношение к ним должно быть человеческим и обращение — только «на Вы».

В моем детстве многие с интересом, собравшись всем двором, слушали рассказы «бывалых заключенных» о том, что было Там. Кто-то говорил охотно, с увлечением повествуя о тюремном братстве, кто-то, наоборот, замыкался и бледнел при одном только упоминании о Той жизни. Люди всегда хотели знать, что происходит в Тюрем, по каким законам и правилам она живет.

У нас бытует мнение, что иностранцев пугает российская действительность: Сибирь, мороз, тайга, снега, тюрьма. Что Тюрма у нас очень страшная и жестокая. Это не совсем так. Строгая — да, жесткая — да. Но за рубежом мне не раз приходилось видеть гораздо более жестокие тюрьмы. В моем понимании выжить там нельзя. Жить — можно какое-то время, но выжить, вернуться живым — пожалуй, нет.

Как бы то ни было, в России люди выходят на свободу даже после очень больших сроков. И начинают говорить. А потому мы можем услышать о том, что было и как. Хотим мы того или нет, тюрьма перестает быть закрытой темой

для нашего общества. Но есть одно исключение — колонии для пожизненно осужденных. Оттуда не выйдет никто. И никто никогда не расскажет, что там и как. Расскажем мы, тюремщики, но в народе далеко не каждый поверит нашему слову, а проверить — никак, нет обратной связи.

Дорогие читатели, сегодня вы можете открыть эту последнюю тайну тюремной системы нашей страны. Обозреватель «Московского комсомольца» Ева Меркачѳва — первый и пока единственный гражданский человек, который побывал во всех колониях России для пожизненно осужденных. Ее книга и будет этой обратной связью, возможностью узнать истинное положение дел не со слов тюремщика.

Смотрю на Еву — маленькая, худенькая, хрупкая девушка. Талантливая журналистка и писатель. Почему она стремится писать о тюрьме? Откуда у нее силы, смелость, чтобы встречаться с ее обитателями? Думаю, ее тоже завожила Тюрьма — такого неподдельного интереса, такого желания следовать правде я еще не встречал.

С уважением к читателям,

Валерий Максименко,
заместитель директора ФСИН России
(с 2016-го по март 2020 года),
генерал-лейтенант внутренней службы

ЧАСТЬ I
«ПОЛЯРНАЯ
СОВА»

ГЛАВА 1

ЖИЗНЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Почти на самом краю Земли, в царстве вечной мерзлоты, где, кажется, остановилось даже время, находится российская колония «Полярная сова». Здесь отбывают пожизненный срок маньяки, жестокие убийцы, педофилы и террористы.

За все время существования «Полярной совы» ни одному ее узнику не удалось ни сбежать, ни освободиться. Путь отсюда один — на кладбище.

*«Жизни путь выбираем мы сами,
Только он, к сожалению, не всем,
Освещается солнца лучами».*

Стихи осужденного к пожизненному заключению
«Полярной совы» Витаса Жиглиса

Поселок Харп (в переводе с хантыйского означает «северное сияние») расположен в Ямало-Ненецком округе. Чтобы добраться сюда от Москвы на поезде, потребуется больше двух суток. От материка «Северное сияние» отделяет могучая Обь. Большую часть года попасть в поселок можно лишь на вертолете или судне на воздушной подушке.

Если бы какому-то безумному осужденному удалось сбежать (хотя в вечной мерзлоте даже подкоп не сделаешь!), он вряд ли бы смог преодолеть эту преграду. Не говорю уже о том, что ему пришлось бы пройти пешком 50 км по тундре. Зимой здесь холодает до минус 40–60, а лето длится всего месяц. Одним словом, лучшего места тюрьме для особо опасных преступников, пожалуй, на всей планете не сыщешь.

На момент моего визита здесь 330 пожизненно осужденных, на руках которых кровь 10 000 людей (в среднем на каждом по 10 трупов, но есть и такие, на ком по 100 и даже 300). Что было бы, если бы они разом вырвались на свободу? Как мечтательно скажет мне потом в беседе битцевский маньяк Александр Пичушкин: «Первым делом я убил бы для снятия стресса парочку людей и изнасиловал несколько женщин». Все-таки спокойнее знать, что такие хоть и живы, но находятся далеко от нас, где-то за полярным кругом, и что сбежать они оттуда не могут. По крайней мере за всю 35-летнюю историю «Полярной совы» (официально она открылась 3 июня 1985 года) ни одного случая удавшегося побега не было.

Помимо осужденных в Харпе живет почти 6000 человек. Почему они-то, вольные люди, застряли в этом богом забытом месте? Год стажа работы здесь идет за два, есть северные доплаты, а отпуск длится целых два месяца. Многие жители или их родные, кстати, работают в колонии.

— Я уже 18 лет здесь, — вздыхает и.о. начальника «Полярной совы» Игорь Николаевич. — По иронии судьбы приехал из Крыма, где почти круглый год зелено и тепло, в место, где почти круглый год все бело и холодно. Но к тундре привыкаешь и даже постепенно влюбляешься...

В самом поселке разруха и нищета, кругом покосившиеся дома и разбитые дороги, и только магазинчики

с вывесками «Вино» выглядят прилично. Если бы не колония, о Харпе вообще вряд ли бы кто знал. Она — главная и единственная достопримечательность, с нее, собственно, и начался сам поселок.

— Тут везде был пустырь, — рассказывает ветеран службы Сергей Короткевич. — А потом на уровне ЦК было принято решение об освоении тундры Ямало-Ненецкого округа.

— Первым делом сюда отправили заключенных, чтобы те строили в этом суровом крае железную дорогу, — вспоминает еще один старожил Харпа Виктор Шелешов. — Для них и создали лагерь. В основном сюда направляли преступников-рецидивистов. Но был, к примеру, один танкист, который прошел всю войну, а в Берлине мародерствовал, за что и получил огромный срок. А вообще, арестанты тогда были сознательные, трудолюбивые. По соседству с колонией стоял завод железобетонных конструкций, там они с утра до ночи и вкалывали. На приветствие отвечали: «Служу трудовому народу!»

— Страха тогда не было у сотрудников, — продолжает Шелешов. — Я один в те годы выводил сразу по 80 человек и не боялся, что они сбегут или нападут. А сейчас одного заключенного ведут по двое-трое конвоиров! Мы в те годы и спецсредств не применяли, старались объяснить все по-хорошему. А осужденные нам знаете, что говорили? «Вы такие же, как мы, с нами вместе сидите в этой тюрьме, только домой спать уходите».

Колонией для пожизненно осужденных «Полярная сова» стала в 2004 году — специально для самых «тяжелых» арестантов построили четыре двухэтажных корпуса на отдельной территории. Строили сами зеки: одни заключенные возводили тюрьму для других.

Скульптура полярной совы на территории колонии

Колония разделена на три части: в одной отбывают наказание пожизненно осужденные (всего 330), в другой — приговоренные к строгому режиму (около 300 человек), а третья является колонией-поселением (порядка 100).

На территорию, где сидят ПЛС (к этой аббревиатуре не сразу привыкаешь, но здесь ее используют все, и означает она «пожизненно лишённые свободы»), все эти годы не попадал ни один пишущий журналист. О ней к моменту моего визита туда не было ни одной статьи в газете. Но зато про нее ходили самые ужасные слухи.

Даже отъявленные злодеи, прошедшие через десятки лагерей, говорили, что пережить можно что угодно, только не «Полярную сову». В неофициальном рейтинге самых страшных тюрем России ее поместили на первое место. Несколько лет назад один из арестантов этой тюрьмы передал письмо (оно опубликовано в интернете), в котором рассказал

страшные вещи. К примеру, что на заключенных здесь на-
травливают овчарок, что бьют за малейшую оплошность
резиновыми палками, что в туалет выводят по графику,
что на еду отводится ровно 5 минут и человек берет ровно
столько пищи, сколько может за раз запихнуть себе в рот.

*«Случается с нами порою беда,
И мы утопаем в слезах и печали,
Но нам невдомек, что свершилась судьба,
Которую нам небеса начертали».*

ВИТАС ЖИГЛИС

Двери контрольно-пропускных пунктов с грохотом за-
кроются за моей спиной многократно, потому что в этой
тюрьме несколько КПП. Колючая проволока, бетонный
забор под высоковольтным напряжением, вышки с авто-
матчиками. Территория для ПЛС — это, по сути, тюрьма
в тюрьме. Вся «Полярная сова», кстати, полностью авто-
номна, и если в поселке отключат отопление, свет и воду,
то колония сможет обеспечивать себя сама многие дни
и даже месяцы, пока не придет помощь с Большой земли.
На фоне колючей проволоки особенно трогательно смо-
тятся скульптуры и рисунки белой совы, которые здесь
можно встретить в самых неожиданных местах.

Мы входим в корпус. Представьте себе длинный кори-
дор, по краям которого расположены камеры. На двери
каждой висит табличка с ФИО осужденного, его фото
и перечнем статей Уголовного кодекса. Но нет ни одной
таблички, где бы не было указано главное преступление
против личности — «убийство», статья 105 УК. Редкие си-
дельцы «Полярной совы» осуждены только за убийство:
обычно у них еще по три–пять статей, которые приводят
в ужас знающих Уголовный кодекс.

Молчаливые сотрудники открывают одну за другой камеры, на которые я указываю наугад. Железные двери, а за ними еще двойные решетки — высший уровень безопасности. Внешне камеры совершенно стандартные и мало чем отличаются от тех, что в московских СИЗО. Из мебели — тумбочка, кровать и стол. Но здесь нет перелимита, кошек и беспорядка.

— ПЛС разрешается иметь при себе только самое необходимое, чтобы не захламлять камеру, — рассказывают сотрудники. — Остальные вещи, включая купленные или полученные в посылках продукты, находятся в особых помещениях, которые есть на каждом этаже, и выдаются по мере необходимости. Видеонаблюдение пока ведется только за коридорами, потому что средств оснастить каждую камеру нет.

Слухи про «пытки туалетом» оказались ложными — везде есть не только раковина, но и унитаз. А в «еврокамерах» (так называют здесь те, которые только что были отремонтированы и оборудованы по всем новейшим стандартам) он вообще производит приятное впечатление — блестящий, изящный.

В «Полярной сове» три такие «новомодные» камеры, в одной из них содержится печально известный майор Денис Евсюков, расстрелявший людей в супермаркете (двое убитых, семеро раненых). Еврокамеры — для самых примерных заключенных. Евсюков именно такой. За все время нахождения здесь он не получил даже ни одного замечания.

Осужденный Евсюков становится лицом к стене, потом по команде поворачивается, резким и четким, доведенным до автоматизма движением широко разводит руки в стороны и растопыривает пальцы. Так полагается — чтобы сотрудники видели, что в руках у него ничего нет. Человек

СТАНДАРТНАЯ КАМЕРА

с растопыренными пальцами выглядит одновременно смиренным и безмерно одиноким.

— Как вам здесь?

— Все хорошо.

— Есть ли жалобы, просьбы?

— Всего достаточно. Жалоб нет.

— Ну а что можно было бы изменить, на ваш взгляд, чтобы облегчить участь всех осужденных?

— Чтобы длительные свидания с близкими были...

Но общество считает, что мы опасны.

— И близкие так считают?

— Близкие не считают.

На этом разговор с майором Евсюковым заканчивается. Прессу он не жалует. То ли что-то скрывает (в определенных кругах гуляет мнение, что обществу не сказали и половины правды об обстоятельствах расстрела людей

в супермаркете «Остров»), то ли просто боится быть слишком откровенным.

По закону осужденные к пожизненному заключению имеют право на телефонные звонки и длительные свидания только по истечении 10 лет. Именно эту норму пыталась оспорить недавно в Европейском суде по правам человека жена одного из постоянльцев тюрьмы, обвиненного в терактах на Черкизовском рынке Николая Королёва. ЕСПЧ ее поддержал и постановил, чтобы администрация «Полярной совы» пересмотрела свой отказ Веронике Королёвой в длительных свиданиях с мужем. Но к моменту моего посещения колонии свидания ей так и не дали.

— Я не знаю, как быть, — говорит начальник. — Я же не могу нарушить закон. Ведь с момента решения ЕСПЧ изменения в него никто не внес.

Королёвы продолжают бороться за длительные свидания, для них это борьба еще и за продолжение рода: Вероника хочет забеременеть, а сделать это во время краткосрочного свидания (участников разделяет стекло) невозможно. У жены майора Евсюкова такой проблемы нет: дети в семье появились задолго до преступления. Супруга Евсюкова, кстати, по словам его сослуживцев, ждет мужа, пишет письма, но на краткосрочные свидания к нему не ездит. А вот отец Евсюкова в «Полярной сове» частый гость.

— Плохо, когда у осужденного вообще нет родных, но еще хуже, когда они от него отказались после приговора, — говорит психолог «Полярной совы» Алевтина. — А чаще всего именно так и происходит. Близкие решают, что не могут ждать без надежды, и вычеркивают человека. И в сто раз хуже, когда родные не могут простить за совершенное преступление и проклинают. Так поступают даже любящие матери.

Алевтина — добрая фея «Полярной совы». Много лет она выслушивает стоны и вытирает слезы тем, кто недостоин никакой жалости. Но даже она не может находиться в присутствии Пичушкина и других маньяков, у которых до сих пор есть только одно желание — мучить и убивать.

— Причина всех злодеяний, что совершили эти люди, — гордыня, — говорит Алевтина. — Многие убивали, чтобы доказать другим свою власть, продемонстрировать свою силу. И пока человек не победит гордыню, он не почувствует раскаяния. Тот же Пичушкин ведет себя высокомерно даже за решеткой.

Один известный арестант (просил не называть его имени) уверяет меня, что напрямую общался с Богом:

— Я спросил его: «За что?» А он мне ответил: «Потому что ты был свободен в своем выборе». Я воскликнул: «Зачем мне такая свобода, которая принесла столько горя людям и мне?!» А он ответил на это: «Если бы не было свободы, ты бы никогда не был счастлив. Свобода дает тебе выбор — быть счастливым или отказаться от этого».

«Полумрак в моей комнате, в сердце печаль...

Слезы смоят с души моей горя вуаль...»

ВИТАС ЖИГЛИС

Я пытаюсь представить себя на месте тех, кто живет в «Полярной сове». Для начала прошу разрешения примерить тюремную робу и побыть какое-то время в камере, а дальше все по тюремному распорядку.

.....

Распорядок дня ПАС

6:00	Подъем
6:00–6:15	Заправка коек
6:15–6:30	Физическая зарядка
6:30–7:00	Завтрак
7:00–7:30	Уборка камеры
7:30–8:00	Утренний осмотр камеры
8:30–9:30	Обход медицинским работником
Прогулка в промежуток с 10:00 до 19:00 в порядке очередности.	
12:00–12:30	Обед
17:00–17:30	Ужин
20:00–20:40	Вечерняя проверка
20:40–21:40	Личное время
21:40–21:55	Подготовка ко сну
22:00	Отбой

.....

Роба оказалась на удивление удобной. От старой, грубой, здесь отказались всего пару лет назад. Помимо ботинок мне принесли еще и сандалии, а рубашку выдали синего цвета и вполне себе «вольного» покроя. Из окна, закрытого двойными решетками, почти не видно неба, а значит, нельзя полюбоваться на восходы и закаты. Как точно написал кто-то: «Когда тебя лишают свободы, у тебя отнимают и солнце, и луну, и звезды». В условиях полнейшей изоляции особенно важно, чтобы твой сокамерник был если и не друг, то по крайней мере не ненавистный враг.

— Живут осужденные в камерах по двое — так прописано в статье 127 Уголовно-исполнительного кодекса (хотя размеры помещения позволяют содержать и по три, четыре, пять человек), — объясняет оперативный сотрудник

Максим. — Стараемся подбирать так, чтобы они психологически подходили. Но в любом случае через год-два они устают друг от друга, и тогда мы производим «рокировку». Часто просто даем осужденному по его просьбе возможность посидеть в камере одному.

Сложнее всего подобрать сокамерников убийцам и педофилам. Помимо московского битцевского маньяка Александра Пичушкина в «Полярной сове» отбывает наказание маньяк Дмитрий Вороненко. Родители истерзанных им девочек требовали смертной казни для Вороненко и даже дошли до Верховного суда, который оставил в силе приговор о пожизненном заключении. Вообще, Вороненко и Пичушкин, хоть и признаны вменяемыми, говорят и ведут себя так, что очень быстро мне, их собеседнице, начинает казаться, что я схожу с ума. Они с утра до вечера предаются воспоминаниям о своих убийствах или рассказам о жутких фантазиях про новые зверства. Никто с ними в камерах не выдерживает больше двух-трех дней, а содержать их вместе опасно: поубивают друг друга. Это тот случай, когда мало кто о смертоубийстве пожалеет, но для администрации «Полярной совы» это ЧП. Так что и Пичушкин, и Вороненко сидят поодиночке.

Из радиоприемника льется классическая музыка. Радио здесь включают каждый день с 6:00 до 21:45. А вот телевизор с DVD приносят обычно раз в неделю, часа на два. Фильмы подбирают для арестантов патриотические, про войну.

Тем, кто не хочет смотреть кино, остается только читать. Библиотека в «Полярной сове» большая, многие книги арестанты зачитывают до дыр. Особенно в чести у них религиозная, философская и приключенческая литература. Как сказал мне один осужденный, они лишены возможности путешествовать в реальности, но никто не может запретить им отправляться в путь виртуально вместе с героями книг.

Прошу отвести меня на прогулку. Вместо большого дворика попадаю в квадратное помещение с бетонными стенами, где нет потолка. Мерить шагами периметр не слишком большое удовольствие и мало чем отличается от хождения по камере. Но воздух свежий и хоть какая-то перемена обстановки. На прогулку выводят покамерно, то есть по двое. Общаться с другими осужденному запрещено, да и возможности для этого нет никакой.

Прием у врача. Меня отводят в медкабинет и там сажают в клетку — о безопасности докторов здесь тоже заботятся. Случаев нападения на медиков в «Полярной сове» не было, но, возможно, именно потому, что здесь все сотрудники всегда помнят, с кем имеют дело. Начальник медсанчасти Марина Николаевна рассказывает, что в «Полярной сове» нет ни одного больного туберкулезом, но есть шестеро с ВИЧ, один из них отказывается от терапии. Хронических болезней у арестантов много, лечить их тяжело (приходится вывозить в другие регионы), но умирают они даже реже, чем в обычных колониях: в среднем один-два человека в год, обычно от инфарктов. Возможно, все дело в том, что большинство осужденных в «Полярной сове» в возрасте до 40 лет.

И снова камера. Лежать днем на кровати строго запрещено. Для многих это настоящее испытание, и они жалуются. За последнее время сразу несколько здешних арестантов попытались оспорить тюремные нормы и правила. Один подал иск в суд, посчитав, что окно у него в камере слишком узкое. Кстати, выиграл.

— В отличие от других осужденных ПЛС не работали, — объясняют сотрудники «Полярной совы». — Но с сентября 2015 года впервые по распоряжению ФСИН их стали обучать некоторым рабочим профессиям — резьбе

по дереву, шитью, бисероплетению. В общей сложности такие курсы прошли уже 50 человек. Они сейчас работают (у нас есть так называемые производственные камеры, где есть станки, машинки), получают зарплату, которая идет на погашение исков потерпевших. Осужденные к строгому режиму готовят пищу для своих «собратьев», приговоренных к пожизненному заключению.

Кстати, майору Евсюкову предлагали несколько раз обучиться швейному делу, но он неизменно отвечал: мол, не готов пока. Хотя ему объясняли: профессия швеи изначально мужская, так что ничего зазорного в ней нет. Бывшие сослуживцы майора говорят, что ему работать в тюрьме некогда: он с утра до вечера пишет в разные инстанции жалобы, поскольку считает себя невиновным.

Некоторым ПЛС дали возможность дистанционно получить и вузовское образование. Один арестант даже умудрился окончить духовную семинарию.

А вообще ПЛС много молятся. Тюрьма, как кто-то верно заметил, то самое место, где дьяволы учатся молиться. «Прописанных» в «Полярной сове» это касается больше других. Сколько было случаев, когда осужденные кричали по ночам от кошмаров, когда жаловались психологу, что видят галлюцинации (стекающие со стен и потолков камер реки крови). Но начинали по совету священников молиться, и видения, по их словам, отступали.

— На днях один мне рассказал, что к нему «пришли» двое убитых им женщин, — говорит психолог «Полярной совы» Алевтина. — Он с ними якобы долго разговаривал, и в конце концов они его простили. Но я бы не стала слишком доверять всем подобным рассказам. В действительности искренне раскаиваются в содеянном единицы осужденных. Остальные даже религию используют как возможность получить какие-то преференции. Почти в каждой

камере вы найдете список церквей и приходов, куда они пишут ежедневно. А все для того, чтобы оттуда им прислали деньги или продукты. К поиску веры это не имеет никакого отношения. Увы.

*«Судьба, как женщина, горда,
Но тоже любит комплименты,
И нет прекраснее момента,
Когда ты понял: жизнь — игра».*

ВИТАС ЖИГЛИС

Обхожу камеру за камерой, расспрашиваю арестантов. Ни один не говорит что-то вроде «Лучше бы меня расстреляли, чем всю жизнь быть здесь». Все они цепляются за жизнь, верят, что вот-вот произойдет какое-то чудо. Понятие времени у жильцов «Полярной совы» совсем другое, чем у нас.

— Вот пройдет 10 лет, и будут разрешены звонки и длительные свидания, а еще через 25 можно подать ходатайство об условно-досрочном освобождении, — очередной заключенный рассуждает о 10 и 25 годах будто это 10 и 25 дней.

Примерно треть считают себя невиновными и надеются, что следствие во всем разберется и их освободят.

— Очень сложно выяснить правду, — вздыхает Алевтина. — По психологическим тестам это не видно. Но некоторые осужденные рассказывают о своей невиновности так убедительно, что невольно начинаешь сомневаться. В любом случае благодаря мораторию на смертную казнь у них есть шанс. Но за всю историю «Полярной совы» никого из ее арестантов не признавали невиновным и не выпускали. Был только один случай, когда осужденному заменили пожизненное заключение на 25-летний

срок. Он был счастлив — а у всех остальных появилась надежда.

Одними из первых в колонию, когда та получила статус для осужденных к пожизненному заключению, привезли Олега Шепелева и Витаса Жиглиса, чьи стихи вошли в эту книгу. Оба чем-то похожи, и это тот редчайший случай, когда пожизненников если и не жалеешь, то остро чувствуешь сострадание к ним.

— Мне было 22 года, учился на экономиста в вузе, — начинает свой рассказ Шепелев. — Залез в долги и убил двух своих сокурсников. Молодой был, ничего не соображал. До 2010 года я ощущал себя жертвой обстоятельств, а потом все враз переменялось. Я осознал, что виноват, пришел к вере, крестился прямо здесь. Я действительно сожалею, что ни за что ни про что лишил жизни двоих людей, и этой ошибки не исправить.

Психолог Алевтина шепотом говорит мне, что Шепелев — один из немногих искренне раскаявшихся. В тюрьме он начал писать книгу (надеется, что ее издадут и он сможет послать весь гонорар 11-летнему сыну одного из убитых) и разработал интернет-проект для воспитания в детях желания делать добрые дела.

— В двух словах: суть в том, что на определенных ресурсах и в соцсетях среди детей будут выбирать «героев дня», «героев недели» и так далее, — вдохновенно рассказывает пожизненник Шепелев. А потом, уже после долгого представления своего проекта, тихо добавляет: — На свободе я вел раздолбайский образ жизни. А тут будто переродился. Пусть я не стал хорошим человеком, но я стал лучше. Но я столько потерял за это время. С годами близкие все реже и реже пишут. Родители — пенсионеры, денег на то, чтобы приехать на краткосрочное свидание на край земли, у них нет. Я столько лет мечтал о том, что вот освобожусь,